

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 903.53

С.А. Ковалевский

РИТУАЛЬНО-ЖЕРТВЕННЫЕ КОМПЛЕКСЫ С ЧЕРЕПАМИ ЖИВОТНЫХ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ У НАСЕЛЕНИЯ ИРМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В эпоху поздней бронзы ритуально-жертвенные комплексы (далее – РЖК) с черепами животных получили широкое распространение у древнего населения, обитавшего в зоне степей и лесостепей Центральной и Северной Азии и на окаймляющих эту зону территориях. Основным занятием населения бегазы-даньбыевской, саргарино-алексеевской, ирменской и карасукской культур, проживавшего на этих территориях, было пастушеское скотоводство. Как отмечают В.В. Евдокимов и В.В. Варфоломеев, период поздней бронзы характеризуется возрастанием роли лошади, уменьшением роли крупного рогатого скота при постоянной, в целом, роли овцеводства. Это свидетельствует, по их мнению, во-первых, о коневодческой направленности скотоводства, а во-вторых, о переходе от пастушеско-придомной формы скотоводства к более подвижной яйлажно-полукочевой форме. Для пастбищных экосистем Центрального Казахстана исследователи выделяют наиболее оптимальный набор из К.Р.С., М.Р.С. и лошади [1, с.69-70]. Подобный тип производящего скотоводческого хозяйства был характерен и для населения карасукской культуры Минусинской котловины [2, с.59-60]. О ведущей роли скотоводческого типа в хозяйстве саргарино-алексеевского населения Степного Алтая и ирменского населения юга Западной Сибири пишут алтайские исследователи [3, с.138-142].

Скотоводческое направление хозяйства предопределило и особое отношение к домашним животным, от которых зависели благополучие и жизнь людей. Это отразилось в религиозных представлениях, связанных как с жизнью, так и с посмертной судьбой соплеменников. Отражением этих верований являются так называемые ритуально-жертвенные комплексы с костями животных, зафиксированные под насыпями курганов, в погребениях и на поселениях ирменской культуры эпохи поздней бронзы.

РЖК под насыпями курганов. Всего нами учтен 41 случай РЖК из 30 курганов ирменской культуры (могильники Танай-7, к. № 14, 18, 23-24; Титово, к. № 1; Журавлево-4, к. № 5, 10; Сапогово-1, к. № 6-8, 16, 17, 19; Заречное-1, к. № 9; Камень-2, к. № 1; Милованово-1, к. № 1, 2, 4; ЕК-2, к. № 1-3, 6, 11; Преображенка-3, к. № 23, 35, 41; Абрамово-4, к. № 3; Камышенка, к. № 24, 31; Суртайка, к. № 32; Плотинная-1, м. 26). Следует обратить внимание на то, что большинство из исследуемых РЖК не являлись следами запокойной трины, а выполняли определенную ритуальную функцию. В пользу этого свидетельствует тот факт, что разрозненные кости, которые могли быть остатками мясной пищи, встречены лишь в девяти случаях. В подавляющем большинстве случаев (22 случая) это были черепа животных либо их ритуальные «заместители» (челюсти, зубы). Реже встречаются «шкуры» (черепа и длинные

кости ног) животных (7 случаев) и целые скелеты (2 случая).

Видовой состав животных, принесенных в жертву, выглядит следующим образом. Наиболее часто встречаются черепа либо их фрагменты и «шкуры» лошадей (18 случаев) и крупного рогатого скота (12 случаев). Реже фиксируются черепа и отдельные кости мелкого рогатого скота (4 случая). Черепа и кости других животных (лось, косуля, собака, заяц, свинья) известны в единичных случаях. Эти данные во многом отражают производящий скотоводческий тип ведения хозяйства у ирменцев и видовой состав ирменского стада, где по различным данным преобладали лошади, крупный и мелкий рогатый скот [4, с.130-131; 5, с.32; 6, с.90-117; 7, с.105].

РЖК с черепами животных, как правило, находились на периферии сакрального пространства курганов и были связаны с такими способами их разметки как грунтовые ямы, рвы и каменные ограды. Это, однако, не исключает того, что в ряде случаев исследуемые РЖК могли самостоятельно маркировать границы сакрального пространства отведенного для погребений, выполняя при этом ритуально-охранительную функцию. В этой связи интересно отметить, что РЖК с черепами животных преимущественно находятся в южной и юго-западной частях курганных насыпей, что можно связать с ориентацией костяков погребенных ирменцев по этим же сторонам света. Подтверждением этого наблю-

дения является тот факт, что исследователями была установлена ориентация отдельных лошадиных черепов в могильниках Журавлево-4 (к. № 10, яма 1) и Заречное-1 (к. № 5, мог. 12) на ЮЗ, реже по антитезе – на СВ [8, с.37; 7, с.80]. Об особом отношении к лошади у ирменцев говорит и тот факт, что отдельные конские захоронения (как и человеческие) сопровождались установкой керамического сосуда (мог. Абрамово-4, к. № 3; Заречное-1, к. № 5). Об особой ритуальной роли черепов животных (лошадь, медведь) в ирменской погребально-поминальной традиции пишет Ю.И. Михайлов, который замечает, что эти черепа находились в курганах, открывавших цепочки могильника Журавлево-4. Исследователь предполагает, что в этих курганах были захоронены лидеры отдельных объединений [9, с.200]. Похожие РЖК с черепами животных известны и на других территориях. Э.Б. Вадецкая, реконструируя погребальный обряд населения карасукской культуры Минусинской котловины, пишет, что на раннем карасукском этапе устраивались тризны и остатки шкур заколотых и съеденных животных кладли в особых местах кладбища. Так на могильнике Сухое Озеро-2, в специальной ограде, были погребены остатки более 40 конских шкур [2, с.53-55]. На территории Средней Азии в могильнике Северный Тагискан (Нижняя Сырдарья), испытавшем на себе влияние как степного, бегазы-даньбыевского населения Казахстана, так и влияние земледельческого населения юга Средней Азии, практиковались так называемые жертвы закладки, представляющие собой ямы с множеством костей и целых скелетов крупного рогатого скота. Такие жертвы приносились еще до возведения мавзолеев. Кроме того, в самих погребениях помещались части туш крупного и мелкого рогатого скота. Среди

находок из святилища Ичянлыдепе (Северо-Западная Туркмания) выделяются находки копыт и частей черепов лошадей [10, с.33, 126].

РЖК в погребениях. В ирменских погребениях юга Западной Сибири РЖК с черепами животных немногочисленны. Нами учтено всего 18 случаев из ирменских могильников Журавлево-4 (к. № 4 (м. 3), 12 (м. 11), 17 (м. 3), Заречное-1 (к. № 5 (п. 12), ЕК-2 (к. № 6 (м. 4), 10 (м. 2), 11 (м. 2, 4), 12 (м. 4, 11), 45 (м. 4), 68 (м. 2), Иштан (к. № 2 (м. 2), 11 (м. 5), Камышенка (к. № 23, 24), Суртайка (к. 32), Плотинная-1 (м. 26) и Преображенка-3 (к. № 35 (п. 1). Большинство черепов принадлежало лошадям, но есть также коровы и медвежьи черепа. Черепа животных либо их фрагменты (челюсти, зубы), преимущественно помещались ирменцами в области черепов погребенных людей, то есть в южных секторах могил. Это наблюдение вполне сопоставимо с помещением аналогичных РЖК в южных секторах подкурганного пространства. Единичны случаи обнаружения черепов животных в других частях могил. Черепа медведей из могильника Журавлево-4 были положены сверху на могилы с погребенными мужчинами, отличающимися атлетическим телосложением, и имеют явно ритуальный характер. При раскопках могильника Журавлево-4, в кургане № 10, в яме, расположенной в южной части насыпи, были найдены черепа девяти лошадей, что связывается авторами исследования с погребением в этом же кургане девятерых мужчин [8, с.37, 77, 85]. Похожее наблюдение было сделано при раскопках другого ирменского могильника Танай-7 [11, с.144-149]. Корреляция РЖК, содержащих черепа животных с половозрастными данными погребенных, позволяет распространить эти наблюдения и на отдельные ирменские погребения юга Западной Сибири. В семи опреде-

лимых случаях черепа животных находились только в погребениях мужчин, возраст которых составлял от 25 до 50 лет. Причем, как правило, все подобные погребения планиграфически выделялись, занимая центральное место среди других погребений под курганными насыпями, что свидетельствует о социальной значимости погребенных в этих могилах мужчин. Кости лошади, зафиксированные в погребениях мужчин-лидеров из могильников Журавлево-4 и Танай-7, по мнению В.В. Боброва и В.С. Горяева, могут свидетельствовать о появлении у ирменцев традиции погребений с конем [12, с.182-187].

РЖК на поселениях. Черепа животных, которые использовались в различных целях, были зафиксированы и при исследовании ирменских поселений. Так в культурном слое поселения Ирмень-1 на уровне 10-15 см выше пола, соответствующем поверхности обвалившейся кровли, были обнаружены два целых черепа комоловых коров и один – самки лося. В землянке № 3 в специальной нише близ западной стенки были зафиксированы два целых овечьих черепа и ирменская керамика. У южной стенки землянки № 4 найден полный скелет собаки. А в ложбинке на территории этого поселения найдено 25 черепов: 13 коровьих, 10 овечьих, один лошадиный и один собачий. Автор раскопок поселения М.П. Грязнов предполагал, что это не кухонные отбросы, а черепа животных, которые хранились где-нибудь в другом месте, а потом, при замене их новыми, были брошены в воду, в ложбинку. При раскопках поселения Быстровка-4 возле входа в жилище № 4, на уровне первой ступеньки лежали три конских черепа. Конский череп был зафиксирован и в жилище № 5 внутри каменной кладки близ очага [13, с.32-33, 35, 41-42, 60, 63]. Эти данные интересно сопоставить с материалами кара-

сукской культуры Минусинской котловины. На позднекарасукском поселении Каменный Лог, «шкуры» лошадей были помещены в специальную яму у входа в одну из землянок, а на кровле землянок, на шестах, выставлялись черепа комоловых коров. Э.Б. Вадецкая считает, что данная традиция восходит к андроновской культуре [2, с.53-55, 61].

Таким образом, традиция помещения РЖК в пределы сакрализованного пространства, предназначенного для погребений и действий поминального цикла, а также в пределы поселений существовала у ирменского населения юга Западной Сибири и на сопредельных территориях.

Существование у ирменцев РЖК свидетельствует, по нашему мнению, о религиозных представлениях, связанных с почитанием ирменцами ряда тотемных животных. Черепа, отдельные кости и «шкуры» таких животных не только указывали на связь ирменских коллективов со своими тотемами, но и являлись оберегами жилищ и погребений соплеменников. Кроме того, РЖК выполняли в ирменской среде и роль элемента элитарной культуры (наряду с камнями-обелисками и отдельными предметами). Об этом свидетельствует их преимущественное нахождение в погребениях взрослых мужчин, занимавших престижные места в пределах отдельных курганов и целых некрополей и являвшихся лидерами в своих коллективах.

Происхождение традиции. Происхождение ирменской традиции помещения РЖК в пределы сакрализованного пространства, предназначенного для погребений и действий поминального цикла, связано с культурами ранней и развитой бронзы юга Западной Сибири. В основном это культуры, где население занималось комплексным многоотраслевым хозяйством на производящей скотовод-

ческой основе. Это сближает их с населением ирменской культуры. Сходство в хозяйственно-культурном типе, по нашему мнению неизбежно порождает и сходство идеологических представлений. Кроме того, и само население елунинской, кротовской и андроновской культур, в разной степени, прямо или опосредованно, приняло участие в формировании ирменской культуры, что еще раз доказывает неслучайность приводимых аналогий. В елунинской культуре, датируемой эпохой ранней бронзы, алтайские исследователи отмечают наличие черепов и нижних челюстей лошадей, крупного и мелкого рогатого скота в заполнении могильных ям и ритуальных сооружений грунтового могильника Телеутский Взвоз-1. При этом исследователи отмечают, что в остеологической коллекции елунинского поселения Березовая Лука данные части скелетов отсутствуют, что объясняется их использованием в ритуальных целях. Важная роль образов лошади и барана в религиозной жизни елунинцев подчеркивается исследователями путем сопоставления с полными видами и изображениями голов этих животных на навершиях бронзовых ножей и каменных пестах-жезлах, выполненных в сейминско-турбинской манере [14, с.74-75]. Не менее интересные РЖК были исследованы В.И. Молодиным при изучении кротовской культуры эпохи развитой бронзы. На кротовском поселении Преображенка-3 в Барабе были раскопаны две хозяйствственные ямы, содержащие черепа медведей. В яме № 5 четыре медвежьих черепа были перекрыты бабками конечностей животных, которых насчитывалось более 100, а еще выше в беспорядке лежали кости животных. Медвежьи черепа были ориентированы затылочной частью на ЮВ. С погребениями кротовцев связаны и два захоронения собак [4, с.74, 76]. Были известны РЖК с костями

животных и в андроновской культуре эпохи развитой бронзы. Так в алакульском могильнике Ермак-4 (Среднее Прииртышье) на краю могильной ямы или в ее верхних слоях, над погребением, помещался жертвенный комплекс, состоящий из черепов и конечностей крупного и мелкого рогатого скота [15, с.77]. Казахстанские археологи отмечают, что для могильников нуринского этапа андроновской культуры Центрального Казахстана обычный состав костей в могилах – череп и кости конечностей лошади [16, с.15]. В.В. Евдокимов и В.В. Варфоломеев считают, что отличительной чертой погребального обряда андроновцев-федоровцев Центрального Казахстана является преобладание костей (череп, конечности) лошади и, в меньшей степени, коровы. При этом андроновцы черепа и отдельные кости лошадей, как правило, кладут не в могилу, а поблизости в пределах ограды [1, с.37]. В андроновском могильнике Карболиха-1 (Предгорный Алтай), В.А. Могильниковым был исследован РЖК, представлявший собой грунтовую яму, находившуюся в центре прямоугольной каменной ограды. Яма была заполнена костями от расчлененных туш животных (лошади, крупный и мелкий рогатый скот), залегавших в грунте в восемь слоев друг над другом. Наряду с костями животных в яме находилась часть костяка подростка. Объект рассматривается исследователем как культово-поминальный памятник [17, с.30-42]. В могильнике Чекановский Лог-10 (Степной Алтай) в могиле № 24, где был погребен взрослый мужчина, рядом с его ногами находились череп и конечности двух коров, а в центральной части могилы встречена массивная цельнолитная золотая серьга [18, с.267]. П.И. Шульгой исследовано андроновское погребение на реке Чарыш (Степной Алтай), совершенное в каменном ящике. С погребенным были

обнаружены сосуд и золотая серьга с фигурами двух лошадей. В изголовье, выше ящика, был установлен гранитный каменный столб. Исследователь проводит параллель с очень похожим погребением из могильника Мын-Шункур в предгорьях Джунгарского Алатау, где также обнаружена похожая серьга, выполненная в сейминско-турбинской манере [19, с.124]. Э.Б. Вадецкая, давая характеристику андроновской культуре Минусинской котловины, отмечает, что в могильнике Лебяжье-1 около двух оград были аккуратно сложены три кучки костей, состоящие из черепов и челюстей не менее семи кобыл и жеребят [2, с.44]. Создается впечатление, что в эпоху ранней и развитой бронзы у населения степей и лесостепей Центральной и Северной Азии сложилась традиция почитания ряда домашних животных, получившая воплощение в появлении элитарных погребений с РЖК, золотыми серьгами, бронзовыми ножами и пестами-жезлами, украшенными зооморфными изображениями. При этом надо отметить, что если почитание медведя, лося и других промысловых животных можно связать на территории Западной Сибири еще с традициями охотников и рыболовов неолита, то культуры лошади, барана, крупного рогатого скота связаны с появлением на данной территории пастухов-скотоводов афанасьевской, елунинской и андроновской культур.

Формирование устойчивой традиции ритуальных погребений животных в раннескифское время. Эпоху поздней бронзы можно рассматривать как время начала перехода к подвижному кочевому скотоводству, окончательно утвердившемуся в раннем железном веке. Этот процесс шел во всей зоне степей и

постепенно захватывал лесостепные, предгорные и горные районы Центральной и Северной Азии. На основе бегазы-дандыбаевской, ирменской, касасукской и других позднебронзовых культур формировались культуры раннескифского и скифского времени. В скотоводческой среде сформировалась устойчивая традиция конских погребений. О сходстве ритуалов захоронения лошадей в курганах ирменской и раннескифской культур пишет В.В. Бобров, считающий, что эти ритуалы имели, несомненно, общую мировоззренческую основу [20, с.20-23].

А.А. Тишкин и П.К. Дашковский указывают, что возникновение погребений лошади или отдельных частей ее туши вместе человеком, но в разных погребальных камерах, произошло на территории Горного Алтая в раннескифское время [21, с.115].

На поселении МГК-1/3 (Алтайское Приобье), которое датируется переходным временем от бронзы к железу, была исследована прямоугольная конструкция, в которой находились кости двух лошадей. По мнению исследователя этого объекта, он занимал важное место в обрядовой практике, является культовым сооружением и связан с функционировавшим рядом грунтовым могильником позднеирменского населения.

Почитание животных подтверждается находками на этом поселении миниатюрного изображения бобра и керамической фигуркой в виде головки барана [22, с.380-383]. Мелкая пластика, изображающая медведя, лошадь, а также мужчину, известна на позднеирменских поселениях Барабы (Туруновка-4, Чича-1) и Верхнего Приобья (Абрашино-1) [4, с.169-171]. Э.А. Новгородова, давая характеристи-

стику памятникам эпохи поздней бронзы и раннескифского времени Западной Монголии, связывает формирование культа коня с оленными камнями. По ее мнению, изображения оленя на оленных камнях постепенно вытесняются изображениями коня. О культе коня свидетельствует высеченный свастикообразный символ на стеле из Завханского аймака. Все четыре конца символа представляют собой головы коней на длинных шеях. Изображения коней на оленных камнях находились в верхней части камня рядом с серпой-солнцем. Интересно сопоставить изображения серег с нанесенными внутри свастиками (знак солнца) с изображением свастикообразного символа из Завханского аймака с головками коней. Кроме того, сами серьги можно сравнить с известными экземплярами из Мын-Шункура и погребения на реке Чарыш. Общим, на наш взгляд, будет семантическое значение этих разновременных вещей. Э.А. Новгородова, давая характеристику керексурам Западной Монголии, указывает, что почти все они сопровождаются жертвенниками, представляющими собой каменные выкладки прямоугольной и округлой формы, при раскопках которых обнаруживаются оленные камни, черепа и копыта лошадей [23, с.201-203]. Раннескифское время дает и примеры богатых погребений знатных людей в сопровождении сотен конских захоронений (Аржан). Однако, уже в середине I тыс. до н.э. конские захоронения становятся обязательным атрибутом кочевнических погребений степной зоны Центральной и Северной Азии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. – Караганда, 2002. – 138 с.

2. Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л., 1986. – 178 с.
3. Киришин Ю.Ф., Гальченко А.В., Удодов В.С., Шамишин А.Б. Хозяйственно-культурные типы поздней бронзы лесостепного Алтая // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. – Барнаул, 1988. – С.138-142.
4. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск, 1985. – 200 с.
5. Бобров В.В. Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Новосибирск, 1992. – 41 с.
6. Шамишин А.Б., Гальченко А.В. Хозяйство населения Барнаульско-Бийского Приобья в эпоху поздней бронзы и в переходное время от бронзы к железу // Источники по истории республики Алтай. – Горно-Алтайск, 1997. – С.90-117.
7. Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона). – Новосибирск, 1997. – 132 с.
8. Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. – Новосибирск, 1993. – 157 с.
9. Михайлов Ю.И. Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). – Кемерово, 2001. – 363 с.
10. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М., 1992. – 493 с.
11. Бобров В.В., Мыльникова Л.Н., Горяев В.С. Новые исследования на могильнике Танай-7 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 1997. – С.144-149.
12. Бобров В.В., Горяев В.С. Лошадь в погребальном обряде ирменской культуры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 1998. – С.182-187.
13. Матвеев А.В. Ирменская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск, 1993. – 181 с.
14. Киришин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-1). – Барнаул, 2003. – 333 с.
15. Сотникова С.В. К вопросу об алакульской традиции на территории Западной и Южной Сибири // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. – Барнаул, 1988. – С.76-78.
16. Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. – Алма-Ата, 1992. – 244 с.
17. Могильников В.А. Курганы Карболиха-1 – памятник андроновской культуры в предгорьях Алтая // Древности Алтая (известия лаборатории археологии № 3). – Горно-Алтайск, 1998. – С.29-43.
18. Ситников С.М. Памятники андроновской культуры в верховьях р. Алей (по материалам Гилевской археологической экспедиции) // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока. – Омск, 2002. – С.266-267.
19. Шульга П.И. Раннескифское погребение на р. Чарыш из могильника Чесноково-1 // Древности Алтая (известия лаборатории археологии № 3). – Горно-Алтайск, 1998. – С.58-69.
20. Бобров В.В. К проблеме историко-археологического развития в начале I тыс. до н.э. на территории Южной Сибири // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 1999. – С.20-23.
21. Тишкин А.А., Дацковский П.К. Захоронения человека с конем как отражение некоторых сторон социально-экономической структуры населения Горного Алтая скифской эпохи // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. – Барнаул, 1997. – С.115-127.
22. Папин Д.В. Предварительные итоги изучения поселения Малый Гоньбинский Кордон-1/3 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2001. – С.380-383.
23. Новгородова Э.А. Древняя Монголия. – М., 1989. – 383 с.

□ Автор статьи:

Ковалевский
Сергей Алексеевич
- канд. истор. наук, доц. каф.
отечественной истории,
теории и истории культуры